

Корней Чуковский о плохих переводах русских классиков, низком качестве детской литературы и рецептах для литераторов

Общественно-политический портал «Русская планета» начинает новый проект — интервью со знаменитыми российскими писателями, творившими в разные времена. Ответами на вопросы будут цитаты из их произведений, писем и дневников. В этом богатейшем наследии можно найти ответы на те вопросы, которые волнуют и, может быть, даже мучают нас сегодня. Потому что каждый выдающийся писатель — наш современник. И потому что, как писал Николай Алексеевич Некрасов, «в любых обстоятельствах, во что бы то ни стало, но литература не должна ни на шаг отступать от своей главной цели — возвысить общество до идеала — идеала добра, света и истины». Все, у кого будут брать интервью, являются примерами такого служения обществу.

Корней Чуковский — автор «Мойдодыра», «Доктора Айболита» и «Мухи-Цокотухи» — рассказал, почему на Западе не понимают Чехова, как незнание языка передается от взрослых к детям и что делать писателю, если у того туго с вдохновением.

— **Корней Иванович, в первую очередь хотелось спросить вас о детской литературе. Сейчас много говорят о снижении ее качества: поэты, например, не стесняются выдавать читателю в книгах такие строки «В норе медведица сопит, она наелась и лежит». Что вы можете сказать о современных детских поэтах?**

— Вы знаете, тут зачем-то устраивали пленум по детской литературе. И если бы я там выступил, я обратился бы к поэтам с единственным вопросом: отчего вы так бездарны? Эта речь была бы очень короткая — но больше мне нечего сказать.

— **Рифмы, подобные той, что мы привели выше, идут от плохого владения языком? Можно сказать, что мы перестаем пользоваться языком в полной его мере, а его богатство подменяем новоязом и интернет-сленгом — всякими «ржунимагу», «авторжжот» и так далее?**

— Я недавно был свидетелем такого случая. Какая-то «дама с собачкой», одетая нарядно и со вкусом, хотела показать своим новым знакомым, какой у нее дрессированный пудель, и крикнула ему повелительно: «Ляжь!»
Одного этого ляжь оказалось достаточно, чтобы для меня обозначился низкий уровень ее духовной культуры, и в моих глазах она сразу утратила обаяние изящества, миловидности, молодости. И я тут же подумал, что, если бы чеховская “дама с собачкой” сказала при Дмитрие Гурове своему белому шпицу: «Ляжь!» — Гуров, конечно, не мог бы влюбиться в нее и даже вряд ли начал бы с нею тот разговор, который привел их к сближению.

В этом случае главное не бездействовать. В эпоху завоевания космоса, в эпоху искусственных рек и морей неужели у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка? Ведь существуют же в нашей стране такие сверхмощные рычаги просвещения, как радио, кино, телевидение, идеально согласованные между собой во всех своих задачах и действиях. Я уже не говорю о множестве газет и журналов — районных, областных, всесоюзных, — подчиненных единому идейному плану, вполне владеющих умами миллионов читателей.

Стоит только всему этому целенаправленному комплексу сил дружно, планомерно, решительно восстать против уродств нашей нынешней речи, громко заклеить их всенародным позором — и можно не сомневаться, что многие из этих уродств если не исчезнут совсем, то, во всяком случае, навсегда потеряют свой массовый, эпидемический характер.

— **От взрослых бедность языка передается по наследству детям?**

— Мне кажется, что, начиная с двух лет, всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом, а потом, к пяти-шести годам, эту гениальность утрачивает — в том числе, и по вине взрослых. Малейший оттенок каждой грамматической формы угадывается двухлетним с налету, и, когда ему понадобится создать то или иное слово, он употребляет именно тот суф-

фикс, именно то окончание, которые по законам родного языка необходимы для данного оттенка мысли и образа.

Вот двухлетняя девочка, купаясь в ванной, и заставляя свою куклу нырять, приговаривает: «Вот притонула, а вот и вытонула!». Только глухонемой не заметит изысканной пластики и тонкого смысла этих двух слов. Притонуть не то что утонуть, это - утонуть на время, чтобы в конце концов вынырнуть.

— Переводная литература, и детская в том числе, тоже страдает качеством — почему это происходит, на ваш взгляд?

— Вот пример. В Академии наук издавали юбилейную книгу о Горьком. Один из членов ученой редакции позвонил мне по телефону и спросил, не знаю ли я английского писателя Орчарда.

— Орчарда?

— Да. Черри Орчарда.

Я засмеялся прямо в телефон и объяснил, что Черри Орчард не английский писатель, а «Вишневый сад» Антона Чехова, ибо «черри» — по-английски вишня, а «орчард» — по-английски сад.

Я понял, что хороший переводчик заслуживает почета в нашей литературной среде, потому что он не ремесленник, не копиист, но художник. Он не фотографирует подлинник, как обычно считалось тогда, но воссоздает его творчески. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и часто вдохновенного творчества. Переводчик — раньше всего талант. Для того чтобы переводить Бальзака, ему нужно хоть отчасти перевоплотиться в Бальзака, усвоить себе его темперамент, заразиться его пафосом, его поэтическим ощущением жизни.

— А на Западе русскую литературу переводят лучше?

— Вовсе нет. Вот есть американка Мэриэн Фелл — в переводах она путает годы, числа, деньги, имена и превращает людей в государства. Но куда отвратительнее тот пресный, бесцветный и скаредный стиль, который она навязывает произведениям, например, Чехова, вытравляя из чеховских книг — систематически, страница за страницей — каждую образную, колоритную фразу, каждую живую интонацию.

Если у Чехова, например, сказано: «Но маменька такая редька», мисс Фелл поправит его: «Но мать так скупа». Если кто-нибудь иронически скажет: «Помещики тоже, черт подери, землевладельцы!» — она переведет тем же стилем дрянного самоучителя: «Неужели вы думаете, что вследствие вашего обладания усадьбой вы можете распоряжаться целым миром?»

Ее идеал — анемичная гладкопись, не имеющая ни цвета, ни запаха, ни каких бы то ни было индивидуальных примет. В результате такой расправы с произведениями Чехова в них стерлись все интонации, все краски, все речевые характеристики каждого из его персонажей.

— **Может быть, это происходит из-за разницы менталитетов? Ни мы, ни они не можем уловить чужой колорит языка, юмора, каких-то сюжетных линий. Ведь неспроста же английский классик Бернард Шоу ругает Чехова, называя его героев безвольными и вялыми. Вся эта жизнь русских имений, описанная Антоном Павловичем, непонятна ему — она для него как другая планета, а отсюда и неприятие.**

— А вы прочтите также, что пишут американцы о Толстом, или французы о том же Чехове, или англичане о Мопассане. Прочтите, и вы поймете, что духовное сближение наций — это беседа глухонемых.

— **Поговорим о вашем собственном творчестве. Ваши поэмы обвиняли в тенденциозности и даже в распространении вредоносных для государства идей. Как бы вы могли это прокомментировать?**

— Чуждаюсь ли тенденции я в своих детских стихах? Нисколько! Например, тенденция «Мойдодыра» — страстный призыв маленьких к чистоте, к умыванию. Думаю, что в стране, где еще так недавно про всякого чистящего зубы говорили «гы, гы, видать, жид!», эта тенденция стоит всех остальных.

— **В современном интернете ваши стихи нередко называют странными. Вот, например, такой отрывок: «... Долго-долго крокодил /Море синее тушил /Пирогами, и блинами,/ И сушеными грибами...» Анонимный комментатор задает довольно резкий вопрос: «Что курил Корней Чуковский?»**

— Я пишу для детей. А дети живут в четвертом измерении, они в своем роде сумасшедшие, ибо твердые и устойчивые явления для них шатки, и зыбки, и текучи.

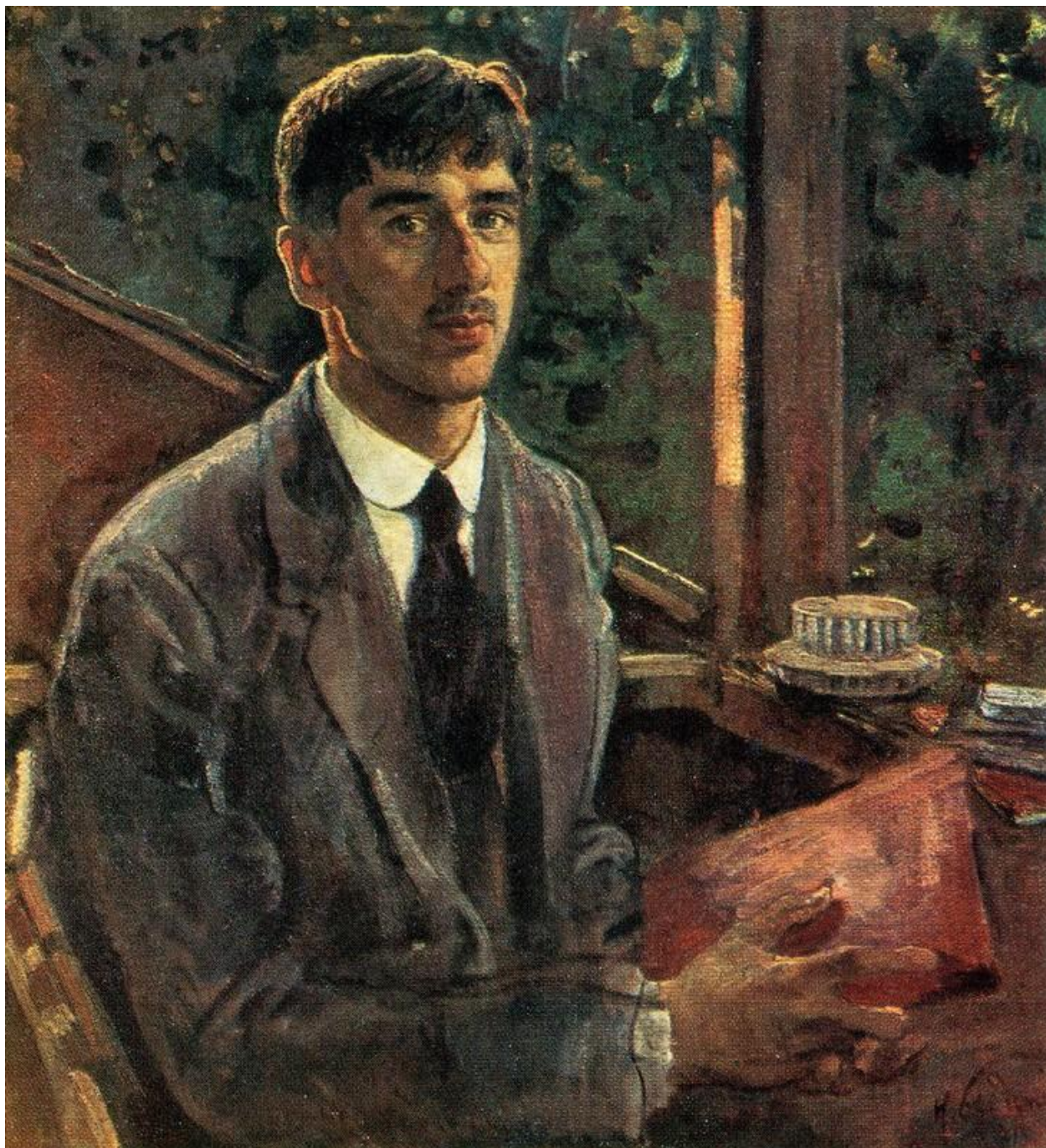
— **Что важнее при создании детских стихов – порыв, вдохновение или кропотливая работа?**

— При создании детских стихов рассчитывать на вдохновение нельзя. Оно дало мне "Муху-Цокотуху", "Чудо-дерево", первую часть "Крокодила", две страницы "Федорина горя", но в большинстве случаев тот радостный нервный подъем, при котором пишется необыкновенно легко, словно под чью-то диктовку, длился у меня не так уж долго — чаще всего десять-пятнадцать минут. В течение этих коротких мгновений удавалось занести на бумагу лишь малую долю стихотворного текста, после чего начинались бесконечные поиски определительной, ясной образности, чеканной синтаксической структуры и наиболее сильной динамики.

На днях я перелистал свои старые рукописи и, вчитываясь в них, убедился, что максимально четкая фразеология сказки получалась у меня лишь после того, как я сочинял предварительно такое множество слабых стихов, что хватило бы на несколько сказок.

— Какой рецепт современным российским писателям вы могли бы дать?

— В России надо жить долго, тогда что-нибудь получится.

И.И. Бродский. Портрет К.И. Чуковского. 1915

В интервью использованы цитаты из дневников Чуковского, его статей «Принципы художественного перевода», «Высокое искусство», книги «От двух до пяти».

Источник: <http://rusplt.ru/society/korney-chukovskiy-duhovnoe-sblijenie-natsiy--eto-beseda-gluhonemyih-17916.html>